

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марьяна
ГРОМОВА

ПРЕДАТЕЛЬ.

Позволь мне уйти

Марьяна Громова

Предатель. Позволь мне уйти

<https://litres.ru/74394484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы узнать, что мой муж изменяет, мне не пришлось отыскивать чужую помаду в бардачке его машины или подслушивать ночной телефонный разговор.

Он просто однажды вечером привёл в дом другую женщину и сказал:

-Маш, это - Вероника. Она - моя любовница и будет жить здесь.

-С тобой? - уточнила я.

Хотя, блин, естественно, с ним, не со мной же!

-Со мной, - спокойно ответил он.

Я думала, что на этом наш брак можно считать оконченным, но... всё только начиналось...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предатель.

Позволь мне уйти

Глава

1 глава. Когда рухнул мир

По нашей семейной традиции встречаю мужа у входной двери.

Охрана отзвонилась, что он уже подъезжает.

Смотрю на себя в большое зеркало, висящее на дальней стене, ведущей в гардероб.

Шикарная. Ну, во всяком случае, очень хочется думать именно так.

Чуть-чуть бы похудеть, килограммов на семь хотя бы, и вообще красotka была бы! Но Миша меня и такой любит. А складочки на любимом платье неплохо драпируют чуть выступающий животик.

Зато волосы у меня красивые. Сейчас я их зачесала наверх и закрепила гребешком.

Хорошо хоть успела подкраситься. А то с нашими годовалыми двойняшками столько возни, что порой времени просто чаю попить нет!

-Мам-мммааа-аа! - доносится сверху из детской истеричным голосом.

Инстинкт требует бежать и смотреть, что стряслось.

Но... Миша и так вечно ругается, что я всё своё время отдаю детям, а если не встретить его, как положено, так точно весь вечер дуться будет.

Да и у каждого из наших близнецов есть своя няня! Пусть уж хоть немного поработают.

Встречаюсь со своим взглядом в отражении зеркала. Глаза лихорадочно блестят. Волнуюсь.

Пятнадцать лет женаты, а я в Мишу влюблена, как будто вчера познакомились! За эти три дня, что он был в командировке, соскучилась просто сил нет!

Горничная, спускается со второго этажа, неся в руках корзинку с постельным бельём. Странно. Мы же только вчера всё меняли. Хотя, может, это из гостевой спальни?

-Марина, а что, Михаил Андреевич с гостями едет? - спрашиваю у неё, потому что мне Миша ничего насчёт гостей не сказал, когда звонил.

-Я не знаю. Позвонил Александр. Сказал поменять бельё в вашей спальне.

Александр? Личный помощник Миши? С каких это пор он распоряжается нашим бельём?

Въехавшие во двор автомобили освещают фарами окно в прихожей. Отвлекаюсь от белья - не до него сейчас. Миша уже почти дома! Не выдерживаю - выбегаю на крыльцо. Эх, надо было шпильки надеть, а я в тапочках...

По правилам безопасности, сначала закрываются наши

высокие ворота, потом из машины сопровождения выходит охрана моего мужа и осматривает периметр нашего дома, давно напоминающего крепость. И только потом Станислав, личный телохранитель мужа, открывает ему дверь.

И я уже жду, что вот сейчас Миша, как обычно, скажет мне, что не нужно было на улицу выскакивать без верхней одежды, что я простужусь, что веду себя, как глупая девчонка.

Но...

Этого неожиданно не случается.

Выйдя из машины, мой муж бросает на меня короткий странный взгляд и, обойдя автомобиль, открывает вторую пассажирскую дверь. Оттуда высовывается холеная женская ручка с ярко-красным маникюром.

Рука моего мужа обхватывает ладонь чужой женщины.

И я в ступоре наблюдаю, как он помогает ей выйти.

Ничего не понимаю. Кто это? Жена какого-то Мишиного партнера? Так где тогда ее муж? Или, может, эта дама сама ведет какой-нибудь важный бизнес? Вообще, Миша рассказывал, что сейчас много всяких бизнес-вумен появилось, которые обладают бульдожьей хваткой и ведут дела не хуже мужчин.

Впрочем, выглядит она, действительно, очень... серьёзно, что ли. Она не хрупкая и женственная, как большинство жен Мишиных партнёров, с которыми иногда мне приходилось встречаться, а, скорее, тренированная. С очень красивым те-

лом.

Длинное платье, обтягивает её, как перчатка, подчёркивая высокую грудь, тонкую талию и подкачанную, явно жутко упругую... в отличие от моей... задницу. Высокий разрез при каждом её шаге очень соблазнительно открывает ногу до самого бедра.

Застыв, как истукан, на крыльце, открыв рот, смотрю на то, как они под ручку поднимаются по ступенькам на крыльцо.

Я даже забываю поздороваться - настолько оказываюсь шокирована.

- Маша, - говорит мне муж, не делая ни единой попытки обнять меня или поцеловать, что было всегда во время наших встреч и расставаний, не зависимо от того, был ли кто-то рядом с нами или мы прощались наедине. - Это - Вероника. Она - моя любовница и будет жить здесь.

От его слов ощущение такое, словно меня ударили по затылку чем-то тяжелым - толчок, удар, горячо, и сердце падает вниз, чуть ли не в эти самые комнатные тапочки.

Да ну! Это сейчас не со мной происходит! Так не бывает!

Видимо, не до конца осознавая ситуацию, я говорю полную чушь:

-С тобой?

Хотя, блин, естественно, раз любовница, то с ним! Не со мной же!

-Со мной, - спокойно отвечает он. - И я попрошу тебя не

устраивать истерик. Давай войдем в дом и спокойно поговорим...

2 глава. Театр абсурда

В моем доме... Ну, до сегодняшнего дня я искренне считала его и своим тоже... Хотя теперь уже и в этом сомневаюсь. В моем доме разворачивает свое действие какой-то театр абсурда, иначе не скажешь.

Прислуга накрывает на стол.

Миша с маленьким дорожным ноутбуком рядом с тарелкой и беспроводной гарнитурой в ухе работает, бесконечно разговаривая с кем-то из своих подчиненных.

На повышенных тонах. Вроде бы ни о чем, но ясно, что там что-то важное, потому что обычно дома Миша редко работает. И в голосе мужа я все еще по привычке ловлю оттенки интонации. И чувствую, что что-то не так, что что-то плохое сейчас происходит.

Но я не могу на этом сосредоточиться! Ну, не могу я!

Все мои мысли, все мои чувства сейчас занимает сидящая напротив по правую руку от моего мужа женщина.

Я по левую руку. Она по правую.

Две женщины. Один мужчина.

И я - всего лишь жена. От слова "женаты". А она - любовница! От какого слова? То-то же...

Есть я, естественно, не могу совсем. Только пью воду, с трудом делая глотки.

Одной рукой она листает ленту своей инсты. Иногда я выхватываю взглядом яркие вызывающие фотки.

Второй вяло ковыряется в тарелке с едой, иногда с долей отвращения во взгляде посматривая на великолепную запеченную форель с овощами, приготовленными на гриле.

Я знаю, наша кухарка Людмила готовит это блюдо гораздо лучше, чем в любом ресторане не то что города, всей страны! И за это отвращение во взгляде этой женщины мне уже хочется воткнуть свою вилку в глаз наглой бабы, посмевавшей войти в мой дом под именем любовницы моего мужа!

Я не знаю, на каких таких волевых я сейчас терплю! И зачем? Может, нужно встать, собрать детей и чемоданы и уехать к маме?

Театр абсурда.

Я, он, и наша любовница.

Было бы смешно, если бы не было так больно!

На несколько секунд закрываю глаза, надеясь, что когда их открою, кого-то одного за этим столом не окажется.

И лучше бы её.

- Маша, - с участием в голосе говорит мой муж. - Тебе нехорошо?

Я аж задыхаюсь от ярости!

Да, конечно, мне нехорошо! Отчего бы мне было хорошо в такой-то ситуации?

Но отвечаю по-другому. Потому что истерить в присутствии ЭТОЙ мне кажется унижительным.

- Нет. Всё замечательно. Вся семья в сборе. За семейным ужином. Я, ты и наша любовница.

- Маша, наверное, будет лучше, если ты с детьми поживешь пока за городом, на даче, - и он так холодно смотрит, словно речь идет об увольнении нерадивой прислуги, а не о ссылке на дачу матери его двоих детей! Так и об увольнении прислуги в нашем доме никогда с таким безразличием не говорили, наоборот, многие из этих людей с нами уже на протяжении десятка лет, не меньше!

Я не выдерживаю.

Подхватываюсь, нечаянно задев большую плоскую тарелку, стоявшую передо мной на столе. Она падет на пол. Тончайший фарфор мгновенно разбивается на сотни мелких осколков.

Немая сцена.

Играющий желваками на побледневшем лице мой драгоценный муж.

Его... баба презрительно выгнувшая широкую татуированную бровь.

И я.

Стою, как дура. Руки в кулаки сжала, как будто собралась заехать кому-то из них по морде.

Но ведь не заеду. Кишка тонка.

Глубоко вдыхаю. И.... Откуда только силы берутся? Говорю:

- Щаз-з-з, разбежалась. Это - мой дом! Ты его на меня

оформил. И я из него. НИКУДА. НЕ ПОЕДУ!

В глазах моего мужа мелькает что-то странное. Я знаю, что это - важное, нужное, и мне бы додуматься, суметь прочитать! Но я не успеваю. А он моментально берет себя в руки.

- Ну, вы же понимаете, Мария, - вдруг обретает дар речи до сего момента практически немая "наша любовница". - Что нам двоим под одной крышей не ужиться.

- Почему это нам двоим? Со мной еще двое наших спинोगрызов. Ага. Если вдруг он от меня избавится, тебе придется воспитывать их всех. Ты готова?

- Ой, нет. Я как-то... не по этой части, в общем. Будь добра уж как-нибудь сама.

- Ну, да. Ты, наверное, больше по постельным утехам, да? А наследников НАШЕМУ мужчине я должна рожать?

- Маша! - рявкает муж.

В столовой появляется горничная. Останавливается возле меня, ожидая указаний и не решаясь начать убирать осколки.

- Можно меня больше не насиловать этим ужином? - смотрю на него. - Ты обещал поговорить.

- Сядь.

Да. Я боюсь его.

Нет. Он ни разу не ударил меня. Ни разу не накричал. Ни разу не обидел. Кроме сегодняшнего дня.

Мы женаты почти пятнадцать лет!

И поэтому я многое знаю о своем муже.

И знаю, каков он в гневе. Он способен убить. И, думаю, в те годы, в самом начале, когда он только начинал свой бизнес, он убивал.

Но... Я вдруг сейчас очень ярко это осознаю. Я сознательно ограждала саму себя от этой информации. Или это он ограждал? Я практически ничего не знала об этой стороне его жизни. Кроме того, что он сам с удовольствием рассказывал - о взаимоотношениях наших общих знакомых - его партнеров по бизнесу, о каких-то курьезах во время переговоров или сделок, о том, сколько ему удалось заработать на том или ином вложении и тому подобные мелочи.

Но я ничего не знала о темной стороне.

Сейчас же я вдруг понимаю, что темных сторон было много.

Вот передо мной сидит, вызываясь откинувшись на выбранном когда-то мной стуле, одна из таких темных сторон жизни моего Миши.

- Да поговори ты с ней уже. Может, успокоится? - флегматично заявляет она, складывая на тарелку поверх рыбы крест-накрест нож и вилку.

Это она сейчас дала указания моему мужу?

Она? Разрешила ему со мной, с законной женой, пообщаться?

Да что здесь происходит, в конце концов!

Смотрю на Мишу. Я такого себе никогда не позволяла. Потому что он слишком... Слишком серьёзный, слишком...

Ну, не из тех он людей, чтобы им командовали, тем более женщина.

У него губы сжаты так, что кажутся белыми, а на скулах играют желваки. И я не уверена, из-за кого он сейчас в ярости - из-за меня, или из-за нее.

- Поднимайся в кабинет, - кивает мне на лестницу.

И я послушно иду.

Я должна понять, что здесь происходит!

Дорогие друзья, если книга вам понравилась, не забудьте добавить в библиотеку, чтобы не потерять! Буду благодарна за лайки)))

3 глава. Разговор, который ничего не дал

Когда дверь кабинета закрывается, внутри словно отключают ту самую силу, которая подпитывала меня и давала возможность держаться.

На трясущихся ногах прохожу к столу и сажусь в кресло так, чтобы быть спиной к вошедшему следом Мише.

Да, мне хотелось бы прямо и гордо встретить его взгляд и выглядеть сейчас достойно! Да, я думаю об этом сейчас! Да, я едва сдерживаюсь, чтобы позорно не разрыдаться.

И молчу.

Порываюсь заговорить, но губы тут же начинают трястись и кривиться.

Он зачем-то долго-долго стоит за моей спиной.

Не оборачиваюсь. Жду.

Потом медленно проходит и садится на свое место за столом.

Смотрю на его отражение в оконном стекле.

Какой же он... Мужественный, красивый. Костюм на нем сидит идеально. Белая сорочка, галстук. Даже дома. Он так привык.

Он редко бывал другим - открытым и ласковым, простым человеком. Но ведь бывал! А наши страстные горячие ночи? А первые месяцы жизни малышей, когда нужно было к ним чаще вставать ночами? Он ведь был со мной в те времена! Мы были вместе.

Как же я не заметила, что всё изменилось?

Как я могла быть настолько слепа?

- Как ты мог так... со мной? - от произнесенных слов самой себя становится так жалко, что естественно по щекам тут же начинают бежать слезы.

- Маша, брак - это такой же контракт, как и любое решение по бизнесу. Он должен быть взаимовыгоден и удобен двум сторонам.

- И тебе стало удобно завести любовницу? - вспыхиваю я.
- А я перестала быть "взаимовыгодна"? Мы почти десять лет вместе прожили.

- Да. Мне стало удобно завести любовницу. И дело не в тебе.

- То есть мне теперь тоже можно завести любовника? - от произносимого нами бреда даже слезы мои высыхают.

- Нет. Твой потенциальный любовник - угроза для моих детей.

- А твоя любовница - не угроза для них? - повышаю голос я. - Может, она сейчас там... Напала на них или подсыпает яд в бутылочки с кашей!

- Вероника проверена всеми моими службами. И даже на детекторе лжи.

Обалденно.

- Ладно. Так и быть. Моего любовника я разрешаю тебе тоже проверить. По-родственному.

-Маша, никаких любовников.

-Миша! - подскакиваю с места и вот уже стою совсем рядом с ним. Смотрю сверху вниз. - Я не понимаю! Зачем! За что? Почему так? У нас же дети! У нас же семья! Мы же были счастливы! Разве нет?

Впервые в жизни мой муж, разговаривая со мной, не смотрит в глаза. Смотрит на свои руки.

А руки его... Обычно спокойные, без всяких там невротических движений, руки его так сжимают простой карандаш, что в какой-то момент он не выдерживается и ломается.

-Значит так, - муж поднимает на меня глаза. - Следующий месяц Вероника будет жить здесь. С нами. Будет сопровождать меня повсюду. А ты уедешь в наш загородный дом и будешь заниматься с детьми. Всё.

-Нет. Не всё, - в тон ему, почти абсолютно спокойно говорю я. - Завтра утром мы с детьми уезжаем к маме. А ты мо-

жешь развлекаться здесь со своей блядью. Вот терпеть всё.

Разворачиваюсь к выходу.

-Чтобы ты не тратила время на собирание чемоданов, скажу сразу. Охрана тебя не выпустит.

-Чтоооо? - взрываюсь я, подхватываясь с места. - Я не твоя собственность! Ты права не имеешь!

-Имею. И сделаю. Вспомни наш брачный договор, Маша. Подумай. Отдохни. И давай без истерик, хорошо?

-Ненавижу тебя! Ненавижу! А-а-а-а!

Мне нечего больше сказать. Ноги сами несут прочь отсюда.

И я бы просто ушла в свою комнату и порыдала там в полном одиночестве. Но...

Он, получается, тем временем будет трахаться с этой...

Оборачиваюсь к нему.

Смотрю.

Не верю. Не может быть, чтобы он так со мной поступил!

-Миша, три дня назад, когда ты собирался улетать... Зачем ты мне в любви признавался? Разве я просила?

Он так убедительно это шептал.

Нет, если бы и не признавался, моих чувств к нему это бы не отменило.

Но он сам! Я ещё тогда пошутила, что он так уходить не хочет, как будто мы на год прощаемся, а мы всего-то на три дня расставались.

Больно.

Неожиданно.

А от того ещё больнее.

Не отвечает. Просто сидит, безучастно глядя куда-то в мою переносицу.

-Ну, что же, - невесело усмехаюсь я. - Совет вам да любовь! Можете поцеловать невесту и всё такое.

Хлопнуть дверью мне не позволяет тот факт, что няньки уже, наверное, уложили детей.

Ничего, дорогой, я устрою тебе такой бунт на корабле, что ты и твоя шалава сбежите отсюда так, что только пятки за-сверкают.

Гордо выпрямив спину, (откуда только силы на это взялись!) я выхожу из его кабинета и сталкиваюсь в дверях с Вероникой.

4 глава.

Эта шалава с надменным видом проходит мимо и... закрывает дверь в кабинет моего мужа прямо перед моим носом!

Во мне такая ярость поднимается, что хочется сейчас ворваться к ним туда, вцепиться в её волосы и рвать-рвать-рвать!

Но остатки здравого смысла подсказывают, что по физическим параметрам она явно накостыляет мне первой.

Да и... ну, унизительно это! Драться за мужчину. Ведь это он ТАК решил!

Да, Мария, а не унизительно ли сейчас шагать к себе в комнату, при том, что вся прислуга теперь в курсе сегодняш-

них событий! А скоро ведь и все знакомые, и соседи, и Алёна, жена какого-то крутого продюсера, с которой мы вместе гуляем с колясками, и Мишины партнёры с супругами, и мама моя... Скоро все узнают. Пальцем на меня показывать будут.

"-О, глянь-глянь, это ж... Демидова пошла. А ты слышала, что у них случилось?"

-Демидова, муж которой любовницу прямо в дом привёл? У них ещё дети годовалые?"

Я прямо-таки слышала подобные пересуды, которые очень скоро, уверена, будут раздаваться за моей спиной.

Дверь в нашу спальню оказывается заперта.

Несколько минут я тупо дергаю ручку, не в силах осознать, что это же... это же от меня заперли!

Сгорая от унижения, спускаюсь вниз. И иду в комнату прислуги.

-Мария Александровна, простите, - заламывает руки горничная Марина. - Это Михаил Андреевич приказал запереть. Я хотела вас предупредить, но не смогла.

В её взгляде сочувствие, и я верю ей. Ни разу за эти годы, а Марина с нами уже лет пять, не меньше, не было у нас с ней никаких проблем. Но... представляю, что она думает!

-Мария Александровна, простите, что лезу... Это не моё дело, но... Эта женщина будет здесь жить?

-Ой, Марина! Я ничего не знаю! Не спрашивай! Как видишь, я сама в шоке.

-Мариечка Александровна, - Марина робко кладёт руку на мою ладонь. - Вы знайте, если что... вы на нас с Людой можете полностью рассчитывать. Поможем во всём. И вообще... Мы за вас. Хотя от нас, конечно, ничего не зависит.

Да, Марина и Люда мне, конечно, не помощники. Тем более, что стоит им разозлить хоть как-то Михаила, завтра же их здесь не будет.

Но... Едва сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться при ней. Потому что сочувствие мне сейчас нужно.

Впрочем... Встряхиваюсь и, поблагодарив горничную, иду в детскую. Впрочем, чужое сочувствие делает меня слабой - сразу плакать хочется. А мне нужно быть сильной! Нужно.

Отпускаю няnek до утра.

Всё равно не усну, скорее всего.

Молоденькая Мира, нанявшаяся к нам недавно, вместо Татьяны Сергеевны, у которой родился свой внук, тут же отпрашивается домой. И, хотя по контракту у няnek один выходной в неделю, я, конечно, отпускаю. Даже разрешаю остаться дома до обеда.

Если бы об этом узнал Миша, то он бы не одобрил. И, вероятно, наказал Миру - штраф там или что-то такое. Но сейчас Мише не до меня, не до детей, и уж тем более не до какой-то там няньки.

Сейчас у Миши будет ночь любви.

На нашей супружеской кровати.

В нашей комнате. Всего через две стены отсюда.

Это абсурд - я об этом знаю, а сделать ничего... НИЧЕГО не могу!

Стою у окна. Невидящим взглядом смотрю на улицу. Фонари освещают огромную территорию с прекрасным ландшафтом, над которой трудился целый штат дизайнеров.

Тебе, Маша, казалось, что ты живёшь в сказке.

А оказалось, что сказка эта совсем даже не добрая.

Что делать?

Что делать?

Собственно, вариантов немного. Можно попытаться уйти. Но Миша сказал, что охрана не выпустит.

И она не выпустит.

Остаться?

И жить, как в гареме? Один муж, две жены?

Надеяться, что, может, когда-нибудь он и к тебе на ночь заглянет?

Фу, гадость какая-то!

Да я с ним, после того, как он трогал другую, ни за что не смогу!

Подлец.

Не могу стоять.

Начинаю метаться по комнате.

Представляю себе, что сейчас происходит в нашей спальне.

Аааа! Это так невыносимо, так больно, так жутко, что я не могу успокоиться!

В дверь скребутся.

Ах, как же мне хочется, чтобы это сейчас был Миша! Я так себя извела, что сил нет.

Я, глупая, даже пока иду к двери, успеваю представить себе, что он сейчас скажет, будто это всё был нелепый тупой розыгрыш. И на самом деле, Вероника вовсе не любовница. И я - дура, раз в такое поверила...

Но за дверью Людмила, кухарка. Пожилая дородная женщина. Добрая и мягкая, как сдобная булочка.

В руках у неё стакан воды.

-Мария Александровна, я подумала... Мы с Мариной решили, что вам бы выпить успокоительное, да и прилечь. Вот я простой валерьяночки вам две таблеточки принесла.

-Да я Миру отпустила...

-Да если что Тамара Григорьевна и к двоим встанет. Я предупредила её. Она не против. А надо будет, меня позовёт. Беру таблетки. Кладу на детский столик в углу.

-Чуть позже выпью. Спасибо вам, Людмила.

Она шагает к двери, но вдруг останавливаться и нерешительно говорит:

-Мария Александровна, я, конечно, не люблю доносить, но... наверное, будет лучше, если вы будете в курсе. Мира так спешила к такси, что вот, - достаёт флакончик с каким-то таблетками. - Выронила на кухне. У меня муж такие принимал, когда головные боли сильно мучали. На последней стадии. Это - сильное снотворное. Если она такое пьёт, как она

по ночам к малышам встаёт?

По контракту, действительно, снотворные препараты за-
прещены няням.

Обговорено, что в случае болезни няни, работодатель тут
же ставится в известность.

Странно.

Мира ничего об этом не говорила...

5 глава.

Принимаю валерьянку и, подумав, выпиваю легкое сно-
творное. Иначе просто не засну до утра!

Сворачиваюсь калачиком на диванчике в детской. Кля-
нусь себе шепотом, что завтра утром соберу детей и уеду.
Неважно куда! Пусть будет на дачу. Пока дети маленькие,
мне не до выбора! Да и Демидов не отпустит, раз уж так ска-
зал.

Решаю, что поеду сама, нянь отправлю в короткий отпуск.
Потому что если буду занята с детьми, думать о Мише станет
некогда. Ну, во всяком случае, я очень надеюсь на это.

Клянусь себе, что ни слезинки по нему, изменщику, под-
лецу, не пророню!

Но все равно плачу. Реву, уткнувшись в подушку.

Только бы малышей не разбудить!

Как же так?

Почему?

Ведь он не изменял мне, пока детей не было!

Ох, сколько же лет я промучилась, что только не делала,

пытаясь забеременеть!

А он всё время был рядом. Терпел мои истерики. Успокаивал. Ездил со мной по врачам. А нам ведь сразу сказали, что дело не в нем, а во мне... И ни разу... Ни разу меня не упрекнул, несмотря на то, что я и сама уже на восьмом году совместной жизни потеряла всякую надежду..

А ведь мама пугала меня, что он уйдет, потому что такому мужчине, как мой Миша, наследники нужны. Потому что ему уже к сорока, у его партнеров по бизнесу и друзей дети уже взрослые... Да и, как говорила мама, бизнес у него серьезный, денег немало зарабатывает. Кому это все оставлять? Для кого работать? То-то же...

А у меня не получалось забеременеть ни нормальным способом, ни с помощью эколога. И вот, спустя столько лет, наконец, это случилось! И мы так счастливы были. И он был! Я уверена! Да еще одновременно родились и сын, и дочь! Как в сказке...

И вот сказочке пришел конец.

Но ведь он не изменял мне, пока я была беременна. Пока с детьми было тяжело! А я ведь еще толще, чем сейчас была. И за собой практически не ухаживала, хоть и няньки имелись!

А может... Может, он и тогда изменял? Просто скрывал?

Ну, боялся, что если я узнаю, то с детьми что-то случится - выкидыш там, а потом молока не станет... Может, он просто вот именно сейчас решил признаться, потому что... Ну, допустим, потому, что устал жить вдалеке от любимой.

От "любимой", Господи!

А я тогда кто?

К счастью, в какой-то момент таблетки все-таки действуют, и я незаметно для себя самой засыпаю тут же, в детской, даже не укрывшись.

Просыпаюсь ночью.

Свет не горит - погас сам, спустя определенное время, как обычно

В кроватке кричит Семён. Я слышу по его недовольному голосу, что уже вот-вот заплачет.

Ночью я всегда встаю к детям сама в те дни, когда Миши нет. Я не хочу, чтобы малыши нянь воспринимали, как маму. Я очень боюсь этого! Да и, собственно, чем мне еще заниматься, если не детьми? Как только забеременела, пришлось уйти с любимой работы. А вернуться после родов не смогла - как вернешься, если дети... И если Миша хочет, чтобы я постоянно дома была?

Слышу, что это именно Семён - он никогда не кричит сразу, сначала предупреждая недовольно кричит, потом всхлипывает, и только потом срывается в рев.

Дотягиваюсь до пульта, брошенного на полу возле дивана. Включаю приглушенный нижний свет.

И только сейчас понимаю, что я укрыта пушистым теплым пледом.

Кто-то заходил сюда? Кто?

Тамара Григорьевна заглядывала?

Но Тамара Григорьевна - человек очень строгий, можно сказать, вышколенный даже. Она никогда инициативу ни в чем не проявляет, всегда ждет просьбу от меня. Она, скорее, разбудила бы и спросила, не нужно ли мне укрыться. Ну, или, в лучшем случае, положила бы плед рядом. Да и не посмела бы она войти в комнату, если бы увидела, что я здесь! Заглянула бы и ушла к себе.

Впрочем, вот Люда как обо мне переживала! Может, это она?

Беру сыночка на руки:

- Чш-ш-ш, Сенечка, тихо, малыш, а то сестричку разбудишь, - шепчу ему, проверяя памперс. - Кушать захотел, да? Сейчас мамочка молочка тебе погрееет.

Спускаюсь с ним на кухню. Малыш, расслабившись на ручках, в полусне прислоняется к моей щеке лобиком. Лоб явно горячий.

Ну, вот! Только этого не хватало!

Меряю температуру.

Грею разлитое по бутылочка на ночь молоко и ему, и Василисе.

Придется, наверное, Тамару Григорьевну будить...

Дав сыну жаропонижающее, хотя Тамара Григорьевна няня и не советует этого делать без указаний врача. Но до утра совсем немного, а вызывать скорую сюда, в такой вот ситуации, когда навстречу врачам из нашей спальни могут выйти не только муж, но и его любовница, выше моих сил. Да

и температура не слишком высока. А еще Семен так терзает соску на бутылке, что мне сразу ясно становится - вероятно, зубы снова режутся.

Возвращаюсь в комнату. Ношу его, пока не уснет на руках.

И вдруг замечаю что-то блестящее на диване. Сережка, что ли, расстегнулась?

Подхожу ближе.

В уголочке дивана лежит золотая запонка.

6 глава.

Мягкие комнатные тапочки не издают никаких звуков. Я не специально подкрадываюсь, нет! Просто иду, задумавшись о своем. И, вывернув из-за угла слышу, как горничная Марина заговорщески говорит Людмиле:

- Я проснулась ночью часов в пять, а он на кухне сидит. Пьет. Один. В такое время пьет, представляешь?

- Да тут грех не выпить, ишь что сотворил с женой законной! Оё-ёй! Что творится!

- Кхм, - даю знать, что подошла.

- Ой, Мария Александровна, - тушуются обе.

Ни разу не слышала, чтобы они обсуждали нас с Мишей друг с другом. Нет, разговаривают и даже, кажется, дружат. Говорят о сериалах, не стесняясь меня, обсуждают семейные проблемы, своих детей, новости - все мы живые люди, я не запрещаю такое, в отличие от многих жен Мишиных партнеров, где прислуга молчалива и напоминает бесплотных ду-

хов. Но чтобы нас или наших детей обсуждать! Нет, не слышала ни разу!

Впрочем, ситуация в нашем доме, действительно из ряда вон.

И... надо бы сделать замечание!

Но... на это у меня просто душевных сил нет!

Значит, пил ночью? Один? Это так секс с любовницей в нашем доме подействовал, что в эйфории даже выпить захотелось? Или, наоборот, стыдно стало подобное творить под одной крышей с детьми?

А теперь, наверное, спит?

- Михаил Андреевич уже уехал на работу, - докладывает Марина. - А...

Горничная замолкает, видимо, не зная, говорить мне о его любовнице или нет. Смотрит куда-то мне за спину.

- А Вероника всё еще здесь, - раздается сзади. - Доклад окончен.

Мне хочется сбежать наверх, к детям. Мне хочется просто как-то скрыться от нее - не видеть, не встречаться, не контактировать. Но как не контактировать, если мы в одном доме находимся? И не дело мне, хозяйке, от нее бегать!

- Людмила, мы с Тамарой Григорьевной сейчас принесем малышей на завтрак. Накройте им здесь.

- Да, Мария Александровна, конечно.

- Мне, будьте добры, кофе и тосты с сыром, - Вероника усаживается на место Миши, куда никто другой, даже его

родители, когда гостят у нас, не смеют садиться.

Людмила и Марина с расширенными от ужаса глазами смотрят на нее сзади.

- Мария Александровна, - очнувшись, спрашивает кухарка. - Что вам подать на завтрак? Может, овсянки сварить? Или омлет? Нам яички свежие с фермы час назад привезли.

В ее глазах сочувствие и искренняя забота. Выходя из кухни, незаметно пару раз похлопываю ее по руке, без слов благодаря. Но мне нельзя вот этого вот сейчас! У меня комок в горле от сочувствия и жалости!

- Ничего не нужно. Просто черный кофе. Марина, подготовьте малышам уличную одежду. Нам на прививку сегодня.

- О, я с вами, - нагло заявляет Вероника. - Мне тоже в больницу надо.

- У нас в машине места для тебя нет, - не могу сдержаться я.

И не дожидаясь ответа от нее, выхожу из столовой.

Еще не хватало! Она с нами поедет! Наглость какая! С моими детьми в одной машине! Сука! Да только через мой труп!

Размещаемся в машине - дети и Тамара Григорьевна сзади, я рядом с водителем.

Звонит Миша.

Не беру. Слышать его просто выше моих сил!

Через минуту, пока пристегиваем с водителем Степаном малышей в детских креслах, муж звонит ему.

- Да, Михаил Андреевич. Да, собираемся. Передать? Хорошо! - протягивает трубку мне. - Мария Александровна, это вас.

- Маша, - требовательно и спокойно, как будто ничего не случилось. - Веронику придется взять.

Что? Мне хочется просто размахнуться и швырнуть телефон в забор! И останавливает только то, что телефон Степана и дети могут напугаться.

Что мне придется? Веронику везти с собой в поликлинику? Да щаззз!

Это, получается, посадить Тамару Григорьевну? Мест-то не хватит иначе. А кто мне будет помогать в поликлинике? Вероника понесет одного из малышей? Да пусть только прикоснется своими грязными руками к моему ребенку, я ей... руки оторву!

- В качестве кого она поедет? - подрагивает мой голос.

- Что? - делает вид, что не понимает, он.

- В качестве няньки? Или, может, второй матери? Или первой? А меня в дурку сдашь, как Петрашевский?

Да, был тут у нас случай, когда один из наших соседей по поселку прикрыл жену в психушке, а домой привел молодую любовницу. Ох, как Миша тогда возмущался! И я, конечно, тоже. А вот... Что-то напоминает та ситуация...

- Не носи бред. Успокойся. Веди себя достойно.

А я не могу! Ну, как тут сдержаться?

- Достойно? Это ТЫ мне будешь о достоинстве говорить?

Ты? Человек, который в мой, в наш дом, привел шалаву? И трахал ее через стенку от жены?

Чувствую, что уже ору в трубку, но ничего с собой сделать не могу! Чувствую, что водитель и нянька пялятся! Чувствую, что дети недовольно крутятся в машине. Но не могу сдержаться!

- Вот это, действительно, бред, Миша! А я несу детский лепет. А достойно я буду себя вести в нормальном окружении, а не рядом с твоей блядью.

Отключаюсь, сую телефон в руки ошалевшему Степану.

Показываю средний палец (слава Богу, что дети еще маленькие и не понимают) вышедшей на крыльцо с сумочкой и в куртке Веронике. Понимаю, что веду себя "недостойно", но разве тут до приличий?

- Поехали, - командую водителю, садясь и захлопывая дверь.

7 глава

У меня чувство такое, словно ОНА преследует нас! Такси с Вероникой держится неподалеку. Даже в тот момент, когда я прошу Степана свернуть и подъехать к поликлинике через небольшой дворик, они следуют за нами!

К счастью, в поликлинике мы не пересекаемся. Но, видимо, дело в том, что нам-то в детское отделение нужно на прививку, и с Семеном на прием, а ей - в другое здание, во взрослую поликлинику, которая находится рядом.

По пути обратно я, как параноик, всё время смотрю в боковые зеркала и оборачиваюсь. И уже на подъезде к нашему пригородному поселку замечаю ее в машине такси! Надо же справилась со своими делами прямо вот одновременно с нами!

- Сенечка, - воркует сзади Тамара Григорьевна. - Ну, что ты, малыш? Капризничает он! Вон сестричка твоя и после прививки ведет себя достойно - не плачет, не капризничает. Умница девочка!

А меня ее "достойно" прямо за живое цепляет. И всю дорогу обратно я кручу и кручу в голове слова Миши. Нет, ну, надо же, какая потрясающая наглость! То есть я должна просто проглотить ТАКОЕ? Молча стерпеть? Но я ж - не какая-то овца бессовестная! Да, выходила замуж за уже состоявшегося, небедного мужчину, но никогда! Никогда не стала бы становиться его женой ради денег!

Я никогда содержанкой не была и не собираюсь становиться! Я работала. Да, пусть моя зарплата в школе оставляла желать лучшего, но ведь это не важно! Не в этом же дело!

Так вот я из себя кое-что представляла, и Миша отлично знает, что деньгами никогда меня не удержит!

И мне бы просто уйти...

И что бы он ни говорит, я не верю, что способен удержать и не отпустить в свете сложившейся ситуации!

Впрочем, еще вчера утром я бы рассмеялась в лицо тому, кто сказал бы мне, что вечером муж приведет в наш дом

свою... проститутку!

Так что сейчас нельзя быть уверенной ни в чем.

А может, может, действительно, лучше уехать на дачу? Маму позвать. Поплакать там с нею. Поговорить. Решить в спокойной обстановке, как дальше быть. А там уже думать.

И не видеть больше Мишу с нею!!!

Потому что если вдруг я снова вечером увижу, как они расхаживают по моему дому под ручку, я просто с ума сойду!

Звонит телефон.

А мне даже смотреть не хочется, кто это!

Но смотрю. Куда ж деваться?

Алёна.

Господи, хоть бы только она еще не знала о произошедшем!

- Да, - все-таки отвечаю ей, общались-то мы очень хорошо в последнее время, потому что и живем рядом, и дети у нас одного возраста - ее мальчик на два месяца всего старше моих двойняшек. Мы даже в гости друг к другу с детьми ходили.

Ей нравилось, что Сашу можно отдать под присмотр мои няням, а нам самим посидеть с бокалом вина и немного отдохнуть.

- Маш, ты сегодня вечером дома? - без предисловий начинает Алёна.

Ох, вот только Алёны мне не хватало! Вот увидит она Веронику... и что я говорить буду? Объяснять, что живу под

одной крышей с любовницей Миши?

Точно нужно на дачу уезжать!

- Ты знаешь, Алён, я тут из поликлиники еду. Думаю, может, на недельку на дачу с малышами смотаться. У Миши работы море, а у Сенечки зубки режутся. Вот и хочется как-то... Дать Мише возможность отдохнуть...

Вру, а у самой аж уши горят! Но ведь не поверит, что я просто так на дачу собралась, потому что знает - это такая глушь несусветная, что скорую в случае чего (тьфу-тьфу, чтобы не дай Бог не пришлось!) не дождешься!

- О, так ты ж все равно утром поедешь, - расстроено говорит она. - Не на ночь же...

- Ну, да, утром, конечно. Но вещи же еще собирать.

- Короче, Маш, - она вдруг всхлипывает и начинает шмыгать носом. - У меня такое случилось. Беда в общем. И мне не с кем даже поговорить. Я просто с ума сойду! Можно я хоть на полчасика к тебе с Санькой загляну, а? Прошу тебя!

Ну, вот и что делать?

Впрочем, все равно ведь очень скоро весь мир знать будет о моей непростой семейной ситуации. Так может, можно с Алёной поделиться. Может, хоть легче станет на душе.

И я соглашаюсь.

Договариваемся встретиться часов в пять, когда послеобеденный сон у детей закончится.

Иду домой с Сеней на руках. Следом - Тамара Григорьевна с Василисой. Степан несет вещи и документы.

Обычно возвращаясь домой, я всегда была в таком настроении хорошо - и дом свой я очень люблю, и дети у меня долгожданные. А вот счастья не стало. И возвращаться в тягость. Вхожу в прихожую, а сердце тревожно и болезненно сжимается.

Поверить невозможно, что вот эта грязь и гадость со мной и моим Мишей случилась! Мы ведь были так счастливы!

Неужели это просто я была слепа и глуха, и просто не понимала, что происходит за моей спиной?

В прихожей стоят ботинки на каблуках. Женские. Чужие. Значит, когда я отвлеклась на разговор с Алёной, такси Вероники нас обогнало. И теперь она уже здесь.

Внутри всё сжимается от понимания, что мы может снова столкнуться, что это обязательно произойдет, и мне снова будет больно. А она снова пройдет по моему дому хозяйкой.

Слышу голоса из кухни. Повешенные тона.

Переглядываемся с Тамарой Григорьевной.

- Идите, Мария Александровна, я и с двумя справлюсь. Ставьте Семечку на пол. Да, малыш? Тамара Григорьевна тебя сейчас разденет...

Ставлю и иду. Как ни крути, а я все-таки хозяйка, и проблемы в этом доме решать мне.

Намеренно притормаживаю у поворота на кухню.

- Пока Мария Александровна указаний насчет ужина не даст, я меню менять не буду, - говорит Людмила.

- Вы хотите вылететь из этого дома? Остаться на улице? -

с угрозой спрашивает Вероника.

- Я вас вчера впервые увидела. О вашем... статусе Михаил Андреевич ничего не сообщил. С чего бы вдруг мне слушаться ваших указаний?

- С того, что скоро хозяйкой в этом доме стану я.

- Ну, что ж... Когда станете, тогда и командовать на кухне будете.

- Когда стану, командовать буду уже не тобой...

Тяжело вздыхаю и иду в кухню.

8 глава.

- Мария Александровна, - бросается ко мне Людмила. - Эта женщина говорит, что сегодня на ужин к Михаилу Андреевичу придут два его партнера по бизнесу. Но ни он сам, ни вы мне никаких указаний по поводу ужина не давали!

- Людмила, - очень стараюсь, чтобы голос мой звучал, как можно, спокойнее, но внутри всё буквально клокочет от ярости. - Ничего про гостей я не знаю. а раз не знаю, значит, либо их не будет совсем, либо они будут есть то, что мы запланировали вчера. Никаких изменений. Делаете обычный ужин. Если что поставим дополнительные тарелки.

Фыркнув, и высокомерно смерив меня взглядом, Вероника удаляется, громко стуча каблуками.

Надо же! Она в доме в свои шпильки переобулась из сапог! Видимо, чтобы всегда выигрышно смотреться для Миши... на моем фоне.

Смотрю на свои домашние тапочки. Эх, Мария, если бы

вот также всегда была во всеоружии, может, муж бы и не посмотрел на эту шалаву!

- Ужас какой, Мариечка Александровна, - взмахивает руками Людмила.

- Людмила, а что там с Мирой? Она приехала? - вспоминаю, что до обеда отпускала вторую няню.

- Ой, да, точно! Наверное, не услышала, что вы пришли! Просила позвать, как только ребятишки домой вернутся. В их с Тамарой Степановной комнате она. Позвать?

- Да, нет, Людмила, я сама позову. Всё равно хочу переодеться.

Поднимаюсь наверх, убедившись, что Тамара Григорьевна в гостиной раздела детей и передает Марине их осенние комбинезончики и шапки. А малыши, воспользовавшись, что взрослые отвлеклись, увлеченно ползают по теплomu полу.

Василиса, как всегда, впереди. Приболевший брат, яростно жуя пустышку, за нею следом.

Возле комнаты няней на мгновение останавливаюсь, прислушиваясь ко звукам из нашей... из бывшей нашей с Мишей спальни. Вероника включила там музыку. Звуки раздаются такие, будто она скачет там с кровати на пол. Ужас какой!

- Да, сегодня будут гости. Да, думаю, он. Не в курсе. Нет. Да какая-то странненькая. Не думаю, что будут проблемы, - вдруг слышу из-за двери.

Не успев вдуматься в слова, открываю дверь. Мира раз-

говаривает по мобильному, глядя в окно, выходящее не во двор, а в сад. Да, она могла и не увидеть, как мы приехали. Резко оборачивается.

- Ой, Мария Александровна! Я не слышала, что вы вернулись! - не прощаясь, отключает телефон. - Малыши дома?

- Да, внизу с Тамарой Григорьевной, - киваю я. - Помогите им там.

Она торопливо сбегает мимо меня к лестнице, старательно пряча глаза.

Я даже знаю, о чем она сейчас думает! Ведь сто процентов тоже нас обсуждала по телефону! Впрочем, может, мне уже мерещится...

Но даже если обсуждала и не нас, то уж думала-то точно о том, что у богатых причуды зашибись - жены преспокойно терпят любовниц в своем доме. Всё ради денег. Ну, во всяком случае, примерно так...

Заставляю себя сосредоточиться на детях. Помогаю их кормить. Потом укладываю, положив в кроватки и покачивая.

Напеваю им привычную колыбельную без слов: "а-а-а-а-а-а-а". И так тошно становится, что слезы так и текут по щекам. Стоит только подумать о том, что дети будут расти, и совсем скоро начнут задавать вопросы. Что отвечать им, когда спросят: "Мама, почему с папой живет другая тётя?" "Мама, почему ты одна?"

Так жалко и себя, и детей становится, что, закрыв лицо ру-

ками, беззвучно рыдаю, боясь разбудить задремавших двойняшек.

Алёна с Сашей приходит до того, как просыпаются Семен с Василисой.

Прошу Марину проводить их в гостевую спальню. Потому что в детской малыши спят, а внизу в гостиной не поговоришь - в любую секунду Вероника может объявиться.

Припудрив опухшее от слез лицо, привожу в порядок волосы, надеваю простой брючный костюм и, подумав, новые теннисные тапочки к нему. Конечно, до Вероники мне далеко, но не в халате же ходить! Да и мало ли, вдруг, действительно, гости приедут.

Алёна встречает меня объятьями, как будто мы не виделись сто лет, хотя позавчера же только гуляли с колясками.

- Машенька, у меня к тебе дело. Огромная-огромная просьба, - заламывает она руки. - Только ты можешь мне помочь! Мне и обратиться-то здесь больше не к кому! Ты ж знаешь, мы с Петей только два месяца, как сюда переехали...

- Что за просьба? - спрашиваю я.

9 глава. В пустоту...

- Алён, я не могу Мишу попросить! Вот честное слово, только не сейчас! Вот если бы ты позавчера мне сказала, что у твоего Пети такие проблемы, я бы обязательно...

- Ну, я ж знала, что Миша в отъезде. Знала, что он вчера вечером должен был вернуться. Вот. Ждала. Тут ведь мне самой нужно с ним поговорить. А еще лучше, если Миша...

ну, можно нам замутить ужин семьями. Выпить там, покушать. Можно у нас. Или, лучше, у вас. Ваша Людмила готовит лучше, чем в любом ресторане. И вот за ужином бы Петя его попросил... Нет, ты не думай, он же не просто навсегда эти деньги взять хочет! Он вернет! Обязательно! Да, сумма большая, на такую кредит не дадут, но ведь и дивиденды тоже будут приличные! Просто если твой Миша не поможет, Пете конец!

- Алёна, я в бизнес мужа не вмешивалась никогда. И как-то не... хочется начинать! Да и... - так не хочется говорить об изменившейся в нашем доме ситуации! Ну, вот как это произнести: "Да и у моего мужа другая женщина. Если что, обратиться с просьбой к ней. Да, и она тут недалеко. В соседней комнате".

Представляю ее удивление.

Она снова начинает плакать, а я, хоть и понимаю, что этого ни в коем случае делать нельзя, неожиданно для себя соглашаюсь.

- Ладно. Поговорю с ним. Но ничего не обещаю.

- Когда? - робко спрашивает Алёна.

- Сегодня вечером поговорю.

Вопреки заявлению Вероники, никакие гости вечером не приезжают.

И сам Миша не приезжает тоже.

Не знаю, ждет ли его ОНА, но я подсознательно жду. Трудно моментально избавиться от привычки, культивируемой

годами. Нет-нет, да выглядываю в окно детской на дорогу. И сердце замирает в предчувствии.

Но проходит ужин. Не знаю, где у Вероники. У меня - в детской с детьми.

С огромным трудом заставляю проглотить себя хоть кусочек приготовленной Людмилой еды.

Потом вместе с Мирой купаем малышей. Потом я их укладываю.

Сегодня уже намеренно остаюсь спать в их комнате.

Марина раскладывает диванчик, застилает его постельным бельем.

Иду в ванную.

Это место у меня теперь что-то вроде комнаты для плача. Там никто ничего не увидит и не услышит. Поэтому я и рыдаю, лёжа в ванне с горячей водой. Долго. До того момента, пока не заканчиваются силы рыдать.

К счастью, сегодня я засыпаю моментально и без всяких снотворных.

А просыпаюсь от знакомого ощущения.

Мужские руки на моем теле.

Жгучие горячечные поцелуи на шее.

Ищущие руки, пытающиеся выдернуть из пижамы мое тело.

Где-то на краешке сознания, затуманенного сном, мне горько и больно. И я знаю, я помню, что всё очень и очень плохо и то, что происходит сейчас, ненормально, невозможно.

но.

Но разум из всех сил старается засунуть это понимание поглубже, и позволить произойти тому, что уже никогда произойти не должно было.

Кто-то спокойный и хладнокровный в моей голове командует: "Соберись, тряпка! Оттолкни! Наори! Ну, или хотя бы просто скажи ему, кто он на самом деле!"

Но влюбленная дуручка, скуцавшая в прикосновениями одного единственного, любимого мужчины, не позволяет этого сделать!

Эта ненормальная даже позволяет рукам гладить его волосы, трогать так непривычно заросший щетиной подбородок. Эта ненормальная млеет от каждого поцелуя. Сходит с ума от ощущения горячей твердой плоти, прижатой к моему бедру! Эта ненормальная, давно потерявшая гордость, хочет сейчас только одного - чтобы он не отстранялся, не одумался, не вспомнил о своей шлюхе...

А может, мне вот тот кошмар, где Миша меня больше не любит, просто приснился?

О, как же соблазнительно поверить в это!

Тем более, что невозможно ТАК целовать, если не любишь.

Не возможно, так трепетно оглаживать тело той, кто стала безразлична.

Невозможно быть таким возбужденным, если у тебя всю прошлую ночь был секс! А его трясет так, словно не было и

уже давно.

Я словно в каком-то безумном угаре вслед за его руками, срывающими с меня пижаму, стягиваю с его плеч мягкий свитер. Кладу ладони на живот. Господи, как же я люблю к нему прикасаться! Какое же у него совершенное тело! Какие живые, упругие мышцы. И как потрясающе они сжимаются в ответ на мои неловкие прикосновения!

Только он не позволяет насладиться ощущениями - замерев буквально на пару секунд, встает, чтобы снять и швырнуть куда-то на пол брюки и трусы.

Я за это время почти успеваю прийти в себя. Почти. Даже здравая мысль в голову приходит, что вот именно сейчас он унижает меня еще больше, чем тогда, когда привел в мой дом свою любовницу! Но... Он опускается сверху, чувствительно придавливая своей грудью мою.... Губы со стоном прижимают к губам... Язык врывается в рот.

Горячая головка скользит по моим складочкам. Боже!

Я задыхаюсь. Руки сами тянут его на себя, в себя... И он так горячо, так чувственно стонет прямо мне в рот, когда толкается внутрь, что мне кажется, я уже близка к оргазму!

Маленький детский диванчик скрипит, отзываясь на каждый сильный посыл внутрь меня.

По шее неконтролируемо бегут мурашки, сердце колотится, как безумное... Он такой большой, такой мощный. Каждый толчок выбивает из меня стоны. И я кусаю, кусаю, кусаю губы, чтобы не разбудить детей!

Кусает ушко, чувствительно втягивая в рот мочку. И я взрываюсь от оргазма, на мгновение ослепнув и оглохнув. А прихожу в себя в тот момент, когда он кончает мне на живот...

Реальность обрушивается, как ведро холодной воды на мою горячую голову.

Какая же ты дура, Машенька! Непроходимая идиотка. Слабачка. Размазня.

Мне очень хочется в ответку сделать ему больно. Но как? Чем? Вряд ли это возможно!

Он захотел ее - получил. Захотел меня - и вот, пожалуйста!

Но, как той мелкой собачонке у забора, мне нужно хоть немного, если не поугатать, то хоть в пустоту полаять. Я это и делаю:

- Интересно, с нею ты хоть в презервативе трахаешься? Или мне пора обследоваться у венеролога?...

И хоть мне не видно, я чувствую! Просто-таки всей кожей чувствую его необъяснимую ярость!

Срывается с кровати. И я уж думаю, сейчас сбежит к своей этой... Но нет! Хватает за руку, рывком поднимает с кровати. И не заорешь ведь, чтобы отпустил - дети спят в кроватках! Чуть ли не бегом втягивает в ванную, влетает туда сам и запирает дверь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.